

УДК 316.4

DOI 10.23683/2227-8656.2017.4.7

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ЗАВИСИМОСТЬ КАК ФАКТОР
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВЛАСТИ
В СЕМЬЕ: МИРОВЫЕ
ТЕНДЕНЦИИ И СПЕЦИФИКА
РОССИЙСКОГО СОЦИУМА**

**ECONOMIC DEPENDENCE
AS A FACTOR IN THE
DISTRIBUTION OF POWER
IN A FAMILY: GLOBAL
TRENDS AND SPECIFICS
OF RUSSIAN SOCIETY**

Борцов Юрий Сергеевич

Доктор социологических наук, профессор
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: ybortsov@mail.ru

Uriy S. Bortsov

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: ybortsov@mail.ru

В статье раскрываются основные ролевые модели распределения власти в семье, сформировавшиеся в результате экономического доминирования мужчины или женщины. Анализируется эволюция трансформации матриархата, патриархата и эгалитаризма, определяются социальные условия, вызывающие изменения регулятивных элементов культуры: норм, ценностей, стереотипов, традиций, влияющих на ролевые представления о властном доминировании в семье. Подчеркивается, что экономическое равенство между супругами на данном этапе может осуществляться преимущественно в партнерских формах семьи, не получивших в настоящее время существенного распространения ни в российском социуме, ни в мире. Видоизменение патриархальных моделей приводит к углублению экономической зави-

The article describes the main role models of power distribution in a family, formed as a result of economic domination of men or women. The evolution of the transformation of matriarchy, patriarchy and egalitarianism is revealed, social conditions, causing the changes in the regulatory elements of culture are analyzed: norms, values, stereotypes and traditions that affect the role attitudes to power dominance in a family. It is emphasized that economic equality between spouses at this stage can be carried out only in the partner family that is not currently distributed either in Russian society or in the world. In Russia this leads to the deepening of economic dependence of women from men. In many countries, e.g. in Scandinavia, it leads to active state participation in social policy as an artificial pater familias and as a result to the disintegration of traditional nuclear family.

симости женщин от мужчин, а во многих странах мира, например, в Скандинавии, к активному участию государства в социальной политике в качестве искусственного *pater familias* и фактическому распаду по этой причине традиционной нуклеарной семьи.

Ключевые слова: семья, экономическая зависимость, матриархат, патриархат, эгалитарность, ролевые модели, власть, культурные регулятивы.

Keywords: family, economic dependency, matriarchy, patriarchy, egalitarianism, role models, power, cultural regulations.

Основные ролевые модели распределения власти в семье

Власть в семье традиционно принадлежала мужчине. Таков стандартный стереотип представлений о властных отношениях между супругами в исторической ретроспективе. Стереотип не означает неправильно. Обычно это упрощенные представления, в той или иной степени лишь искажающие нюансы восприятия, но не всегда нивелирующие смысл оценочного понятия. Поэтому если говорить об истории, то в подавляющем большинстве культур и на протяжении значительного времени доминирование мужчины в гендерном взаимодействии не вызывает сомнений. Между тем подобного рода суждение не покрывает собой всю сложность вопроса и не позволяет нам понять те многочисленные сложности взаимодействия полов, которые встречаются уже в современном социуме, выступая предметом изучения социологической науки. На самом деле в историческом прошлом, не только на современном этапе, семья знала разные ролевые модели распределения власти. Как минимум можно вспомнить стандартную, хоть и не всегда отражающую суть явлений, общепринятую схему, подразделяющую принципы взаимоотношений между супругами в браке на три основных типа: матриархальный, патриархальный и эгалитарный. Так и сейчас в любом обществе в той или степени есть и матриархат, и патриархат, и эгалитарность. Вопрос лишь в доминировании ценностных ориентаций мужчин и женщин, их согласованности между собой, готовности идти на компромисс в реальных коммуникативных практиках, а также тех конфликтах, которые порождаются отсутствием согласованности.

Надо отметить, что современный социум, и российский не является исключением, являет собой поле интенсивных конфликтов, порождаемых неспособностью социальных акторов прийти к взаимопониманию относительно того, на основе каких принципов с точки зрения распределения власти будет выстраиваться семейная коммуника-

ция. Данные конфликты существенным образом снижают качество жизни в современных семьях. В их наличии мы видим актуальность представленной темы, значимость ее изучения.

Эволюция трансформации матриархата, патриархата и эгалитаризма

Исторически первой формой распределения власти в семье принято считать матриархат. Эта позиция принята как аксиома далеко не всеми специалистами, но мы будем отталкиваться от нее в своих рассуждениях об эволюции типологии властных моделей. При всей спорности приведенного мнения о наличии матриархата данная концепция очень удачно объясняет эволюцию семьи в контексте изменений в хозяйственной деятельности людей. Речь идет о переходе различных групповых форм брака (пуналуального, кровнородственного, синдиасмического и т.п.) к традиционной, с нашей точки зрения, моногамии, с одной стороны, и о параллельно развивающемся процессе хозяйственного оседания людей на землю для освоения тех или иных форм приобретающей деятельности (в основном земледелия и скотоводства) – с другой. Так уж сложилось, что на этапе позднего первобытного общества мужчины еще не осели на землю, занимаясь по традиции охотой и рыболовством, а женщины уже вовсю осваивали новые виды хозяйствования. В этих условиях, когда значительная часть мужчин уходила далеко от стоянок на охотничьи промыслы либо в разбойничьи набеги на соседние племена, женщины в течение длительного времени самостоятельно, в основном без мужчин, занимались хозяйственно-бытовой стороной жизни. Подобное положение существенно повысило их общий социальный статус, неизбежно отразившийся на ролевых моделях поведения в семье. Матриархат при таких обстоятельствах обуславливался ведущей ролью женщины в хозяйственной жизни общества и семьи [1].

Замена основных субъектов хозяйственной деятельности женщин мужчинами в период формирования классовых обществ вызвала изменения и в моделях ролевого поведения в семье, в том числе тех, которые напрямую определяли санкционированные принципы распределения власти. Матриархальные отношения оказались вытесненными патриархальными. А женщины вместе с хозяйственной зависимостью от мужчин попали в их подчинение во всех сферах социальных интеракций. Под патриархатом следует понимать модель взаимодействия между супругами в семье, соответствующую двум базовым принципам: 1) ролевой асимметрии; 2) юридическому неравенству. Оба эти признака в наше время обычно интерпретируют с позиции приоритета

у женщины обязанностей в сравнении с правами. Причем с точки зрения второго признака под обязанностями понимаются исключительно те, которые зафиксированы в письменном праве (юридических актах), а в отношении второго – всё, что в обязательном порядке адресовалось женщинам исходя из социальной морали, традиций, религиозных норм и т.д. Иными словами, патриархат нередко сводится к гегемонии мужчин, чаще всего произвольной и ни на чем, кроме физической силы и экономического принуждения, не основанной.

В действительности такая позиция является ошибочной. Она на современном этапе представляет собой плодотворную среду, питающую разного рода фантомные феминистические движения, воюющие с ветряными мельницами, и даже проявляется в качестве причин многочисленных семейных конфликтов, обусловленных надуманными стереотипами в форме предубеждений и предрассудков [2].

Начнем с того, что исторически патриархат не мог быть сведен к безмотивному и безосновательному доминированию мужчин над женщинами. У этого доминирования были не только формальные основания, но и сущностные – как социальные, так и в чистом виде биологические причины. Достаточно сослаться хотя бы на то, что женщина всех родов и сословий была вынуждена в течение всей своей жизни рожать детей, что накрепко привязывало ее к дому и быту. В ситуации отсутствия (плохого) медицинского обслуживания, постоянных войн, массовых эпидемий это был единственный путь увеличения численности популяции и, следовательно, выживания народов. Народности, обладавшие слабым биологическим потенциалом, канули в Лету истории либо оказались в зависимости от более сильных. Эти особенности жизни (выживания) обрекали женщин на семейное затворничество, закрыв любые возможности выхода в большой социум.

По своей сути патриархат был не столько дискриминацией, сколько формой приспособления общества к сложившимся хозяйственным условиям жизни. Он обуславливал функционально-ролевые модели, которые, в свою очередь, затем находили закрепление в юридических нормах. Ролевым основанием патриархата было представление о женщине как хранительнице домашнего очага, а о мужчине – как о добытчике и защитнике. С точки зрения права мужчина в этой модели обладал большей правоспособностью. Отрицать этот очевидный факт было бы бессмысленно. Однако юридическая асимметрия объяснялась отсутствием у женщин реальных социальных возможностей реализовать себя в качестве субъекта правоотношений. Кроме того, в большинстве правовых систем прошлого существовали надежные га-

рантии защиты женщины от наиболее одиозных действий мужчин, направленных на дискриминацию по гендерному типу.

**Социальные условия регулятивных элементов культуры,
влияющих на ролевые представления
о властном доминировании в семье**

С начала XX в. патриархальный тип распределения власти в семье стал стремительно распадаться.

В цивилизованных странах юридические основания патриархата (второй признак) были упразднены в ходе изменения законодательства XVIII–XIX вв. По итогам юридических реформ в первой половине XX в. этот процесс можно считать завершенным (большой частью в области политической правосубъектности женщин). А со второй половины XX в. и в начале XXI в. во многих странах мира законодательство по анализируемому вопросу изменилось таким образом, что в пору говорить о реставрации матриархата, так как женщинам был предоставлен режим приоритетной по сравнению с мужчинами правоспособности. Большой частью это касается трудовых правоотношений. Но подобную асимметрию можно увидеть в гражданском, жилищном, уголовном и наследственном праве [3].

Более сложно всё обстоит с первым признаком, т. е. с ролевой асимметрией.

Роли как элементы культуры инкорпорированы в очень сложный комплекс социальных регуляторов, который, в отличие от правовой нормы, нельзя отменить простым парламентским большинством при голосовании в Государственной думе Российской Федерации. Социальная роль, как известно, это ожидаемая модель поведения, проявляющаяся на практике в процессе непосредственной коммуникации между социальными акторами. Она обуславливается социальными нормами, традициями, стереотипами, социальными ценностями. То есть ее изменение возможно только после глубоких культурных трансформаций и в какой-то степени, поскольку относится к сфере действия, имеет уже результирующий характер, когда ценности осмыслены, нормы приняты, традиции разрушены, стереотипы поглощены подсознанием.

Но все эти сложные процессы должны быть чем-то запущены. Мы полагаем, что их запуск осуществляется через расширение способностей и возможностей женщины быть экономически самостоятельной, независимой от мужчин. Речь идет именно об объективных возможностях. Пока мы не берем в расчет субъективные намерения отдельных женщин данными возможностями пользоваться. Эти воз-

возможности определяются через совокупность объективных и субъективных факторов. Рассмотрим их кратко.

К объективным следует отнести в первую очередь юридическое уравнивание женщин с мужчинами, автоматизацию домашнего быта, появление механизмов контроля рождаемости, развитие сети дошкольных образовательных учреждений, свободную продажу детских молочных смесей [4].

Перечисленные объективные факторы позволяют современной женщине не посвящать всю свою жизнь семье, предоставляют ей возможность найти свободное время для выхода в социум для удовлетворения своих индивидуальных потребностей. Такой выход зависит уже от избранных ею ценностей и во многом субъективен, как субъективна жизненная траектория любого человека. Она строится под воздействием субъективных факторов: выбора профессии, готовности к той или иной степени интенсивности труда, полученного образования, намерения иметь детей (и их количество) или отказа от них, отношения к воспитанию детей и т.п. [5].

Совокупность перечисленных субъективных факторов, их особенности в значительной степени обуславливают степень экономической независимости женщины от мужчины. Чем более качественное образование у женщины, чем меньше она планирует детей (или отказывается вовсе от них); чем интенсивнее ее труд вне дома, а воспитание детей, напротив, по остаточному принципу, тем, как правило, больше степень экономической независимости женщины от мужчины.

Данные процессы привели на практике к формированию семьи нового типа – эгалитарной. Ошибочно ее часто называют равноправной, буквально следуя переводу с французского («эгалите» – «равенство»). Однако в реальности куда правильнее было бы считать ее семьей, основанной на функциональной взаимозаменяемости. Такое определение дает нам более четкое понимание природы деформации патриархата как распадающейся модели распределения власти в семье. Отказ женщины видеть в мужчине носителя ролевых обязанностей добытчика обуславливается ее готовностью взять на себя существенную или даже большую часть прерогатив по обеспечению семьи необходимым материальным базисом [6].

Насколько данный тип семьи распространен? На данном этапе не очень широко. Особенно, что касается нашей страны. В реальности сами женщины пока не знают, в какой степени они готовы отказаться от семейных обязанностей и надо ли им вообще от них отказываться в той мере, за которой семья приобретает качественно иные для боль-

шинства непривычные формы. Что касается мужчин, то они в этом вопросе еще более консервативнее женщин. Их сознание в большинстве случаев контролируется патриархальными стереотипами и фамилистскими ценностями, в числе которых эгалитаризм занимает одно из самых последних мест [7]. Неслучайно, что во многих странах, где интенсивно на правительственном уровне идет борьба с гендерными различиями за унификацию социального поведения мужчин и женщин, где создается система мощного социального обеспечения, традиционная нуклеарная семья перестает быть социальной ценностью [8]. Так, в Скандинавии, которую вышеперечисленное касается в полной мере, легализованы однополые браки, свыше половины рождений осуществляется вне зарегистрированного брака, существенно повысился возраст первого рождения. Здесь женщины получили экономическую независимость от мужчины благодаря социальной политике государства, фактически превратившегося в суррогатный *pater familias*, для которого гендер является историческим пережитком.

Российскому социуму данные тенденции свойственны, но сильно они не выражены. У нас также есть тенденция к распространению эгалитарных семей, где распределение власти обусловлено не традиционными полоролевыми стереотипами, а индивидуальной договоренностью между супругами. Но, как показывают многочисленные социологические исследования, российские семьи имеют, выражаясь экономическим языком, многоукладный характер [9]. Выделяются разные, порой очень причудливые формации, организации семьи по критерию властных структур. Мы в своих оценках исходим из того, что российские женщины в основе своей не стремятся выйти из экономической зависимости от мужчин и относятся к своей профессиональной, в более широком смысле, общесоциальной деятельности по остаточному принципу. Семья сохраняется в качестве главной ценности, приобретая ярко выраженный детоцентристский характер. В последнее десятилетие тенденции на увеличение количества неполных семей, разводов, безбрачие, бездетность практически не изменились и заметно уступают в своей выраженности обществам Центральной и Западной Европы, но особенно Скандинавии. Едва ли это связано с общероссийской бедностью и дефектами социальной политики. В 90-е гг., когда и бедность была сильнее, и социальная политика ещё менее эффективна, процессы разрушения традиционных нуклеарных семей были выражены куда заметнее [10]. Объясняя этот феномен, мы исходим из того, что в сознании российских женщин антисемейные ценности не получили соответствующего признания.

Заключение

Завершаем статью предположением, в соответствии с которым в российском обществе в течение ближайших лет окажется сформирован как преобладающий такой тип семьи, где женщина будет иметь доминирующее положение с частичным перераспределением обязанностей в адрес мужчины, а последний продолжит выполнять в качестве основных функции по материальному обеспечению. Ролевые позиции сторон будут и далее крайне медленно сближаться, поэтому приоритетные зоны ответственности останутся на своих традиционных местах.

Литература

1. Верещагина А.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Проблемы молодой семьи первого года жизни с позиции ее типологической характеристики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 46–50.

2. Борцов Ю.С. Детерминация формирования девиантных поведенческих стратегий социальной неопределенностью: методологический подход // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 42–49.

3. Волков Ю.Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России. М.: КноРус, 2016.

4. Волков Ю.Г. В поисках субъектности идеологии гуманизма // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 4. С. 182–199.

5. Ковалев В.В. Ценностная трансформация российского общества: новые вызовы и старые стереотипы // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 6. С. 17–20.

6. Ковалев В.В. Влияние социальных стереотипов на воспитание толерантности в семье // Научные труды SWorld. 2013. Т. 18, № 2. С. 36–39.

7. Борцова Е.Ю. Современная молодая семья и ее социальные ценности. Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. С. 93–122.

8. Борцов Ю.С. Социализация детей в нуклеарных семьях: проблемы внутрисемейной коммуникации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6–7. С. 26–29.

References

1. Vereshchagina A.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. Problemy molodoy sem'i pervogo goda zhizni s pozitsii ee tipologicheskoy kharakteristiki // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2016. № 10. P. 46–50.

2. Bortsov Yu.S. Determinatsiya formirovaniya deviantnykh povedencheskikh strategiy sotsial'noy neopredelennost'yu: metodologicheskij podkhod // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2015. № 11. P. 42–49.

3. Volkov Yu.G. Obrazy ideologii i gumanizma v sovremennoy Rossii. M.: KnoRus, 2016.

4. Volkov Yu.G. V poiskakh sub"ektnosti ideologii gumanizma // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2016. № 4. P. 182–199.

5. Kovalev V.V. Tsennostnaya transformatsiya rossiyskogo obshchestva: novye vyzovy i starye stereotipy // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2007. № 6. P. 17–20.

6. Kovalev V.V. Vliyanie sotsial'nykh stereotipov na vospitanie tolerantnosti v sem'e // Nauchnye trudy SWorld. 2013. T. 18, № 2. P. 36–39.

7. Bortsova E.Yu. Sovremennaya molodaya sem'ya i ee sotsial'nye tsennosti. Rostov n/D.: IPO PI YuFU, 2010. P. 93–122.

8. Bortsov Yu.S. Sotsializatsiya detey v nuklearnykh sem'yakh: problemy vnutrisemeynoy kommunikatsii // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2016. № 6–7. P. 26–29.

9. Горшков М.К. Общественные неравенства в пореформенной России: социологический диагноз // Вестник Российского университета дружбы народов. Социология. 2016. Т. 16, № 4. С. 693–718.

10. Голобородько А.Ю., Лубский А.В., Сериков А.В. Культура, идентичность и национальная безопасность России. Ростов н/Д. : ЮФУ, 2015.

9. Gorshkov M.K. Obshchestvennye neravenstva v poreformennoy Rossii: sotsiologicheskiy diafnnoz // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Sotsiologiya. 2016. T. 16, № 4. P. 693–718.

10. Goloborod'ko A.Yu., Lubskiy A.V., Serikov A.V. Kul'tura, identichnost' i natsional'naya bezopasnost' Rossii. Rostov n/D. : YuFU, 2015.

Поступила в редакцию

17 мая 2017 г.